

A few theses about duty in the education and family, or why cucumbers cause insomnia

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2 -226-237

Research article
Full text in Russian

In the article, in connection with the discussion in higher education circles of the problems that arise when students use plagiarism and digital technologies (neural networks) in the learning process, including the preparation of research papers, relevant aspects of the realization of the right to higher education are considered in conjunction with the corresponding responsibilities. Other problems are also stated that are discussed in the teaching community, but not solved at the state level. Parallels are drawn and a close connection is seen between the quality of duty in the field of education and the denial of such in the field of the family, family education. The necessity of introducing the construction of obligation into the family law is stated. Among the significant prerequisites for this decision, a special place is occupied by constitutional amendments on the goals and objectives of raising children. It is argued that their implementation will play a good role in the process of forming the legal consciousness of a modern Russian student. Special requirements for the organization and content of training in jurisprudence programs are fixed, reinforcing the constructions of obligation.

Keywords: correlation of the rights and obligations of students; the learning process; digital technologies; neural network assistance; plagiarism; the construction of children's duties; education; preparation for the profession of a lawyer

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sci. (Jurisprudens), Professor

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Несколько тезисов о долженствовании в сферах образования и семьи, или почему огурцы вызывают бессонницу

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-2-226-237
УДК 342.733

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье, в связи с обсуждением в вузовских кругах проблем, возникающих при использовании студентами плагиата и цифровых технологий (нейросети) в процессе обучения, в том числе при подготовке научно-исследовательских работ, рассматриваются актуальные аспекты реализации права на высшее образование в увязке с соответствующими обязанностями. Констатируются и другие проблемы, дискутируемые в преподавательском сообществе, но не решаемые на государственном уровне. Проводятся параллели и усматривается тесная связь между качеством долженствования в сфере образования и отрицанием такового в сфере семьи, семейного воспитания. Утверждается необходимость внедрения конструкции обязанности в семейный закон. Среди значимых предпосылок данного решения особое место занимают конституционные поправки о целях и задачах воспитания детей. Утверждается, что их реализация сыграет свою добрую роль в процессе формирования правосознания современного российского студента. Фиксируются специальные требования организации и содержания обучения по программам юриспруденции, усиливающие конструкции долженствования.

Ключевые слова: корреляция прав и обязанностей студентов; процесс обучения; цифровые технологии; помощь нейросети; плагиат; конструкция детских обязанностей; воспитание; подготовка к профессии юриста

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства, заслуженный юрист РФ

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-014.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Поводом к размышлениям на заявленную тему явился казус (почти *casus belli*) со студентом весьма известного вуза, изготовившим выпускную квалификационную работу с помощью (а вернее, почти в полном объеме) нейросети и, как это часто бывает среди сетевых активистов любых возрастов, поделившимся о факте использования означенной технологии и результате защиты такой ВКР (на «удовлетворительно») со своими сетевыми респондентами. Будучи вовлеченным в дискуссионное поле вокруг данной истории, руководство вуза не приняло жесткого (но, как нам представляется, справедливого и, что важно, юридически обоснованного) решения о признании защиты недействительной (или, как вариант, об отмене решения государственной экзаменационной комиссии по вновь открывшимся обстоятельствам самой же комиссией, по инициативе ее председателя, или ректором). Возможно, указанные должностные лица обеспокоились судебной перспективой соответствующего административного дела, поскольку, во-первых, отсутствовала гарантия положительной правовой позиции суда, во-вторых, напротив, наличествовал риск широкого публичного обсуждения казуса. Впрочем, последний, как видим, все же был опубликован...

Мнения, как известно, разделились. Так, министр высшего образования и науки РФ призвал не наказывать студента, поскольку последний сам признался в содеянном, а акцентировать внимание непосредственно на проблеме, в том числе озаботиться разработкой таких заданий для студентов, которые заведомо требуют творческого подхода и затруднены для искусственного интеллекта, а также усилением технической и технологической оснащенности соответствующего контроля¹. Хотелось бы эту позицию прокомментировать: удовлетворены, что у министра присутствует чувство юмора (в высшей школе, да и вообще в сфере образования, без него не обойтись), способность к разумной, неагрессивной оценке конфликтных ситуаций и конструктивный вектор на их решение организаторами и реализаторами образовательного процесса. Однако все же полагаем, что и оценка казуса, и дискуссия, поводом к которой он послужил, – красками существенно богаче, тем более что и мнения управленцев в сфере образования, и преподавателей оказались разноречивыми.

Например, декан факультета экономических наук ВШЭ полагает, что привлечение к дипломной работе любых сторонних текстов² неприемлемо – академическая профессия предполагает авторское исследование и самостоятельные результаты [1]. Представители преподавательского корпуса, руководители различных образовательных программ оценивают ситуацию и возникшие на ее основе проблемы в более сложном ракурсе: с одной стороны, несмотря на увлечение современными техноло-

¹ Фальков прокомментировал ситуацию с написанным...URL: <https://aif>.

² Видимо, плагиатной природы.

гиями, в процессе обучения профессии необходимо погружаться в темы лично, создавать уникальные продукты своего интеллектуального труда, с другой – использование достижений этих технологий, возможностей искусственного интеллекта становится фактом и повседневной жизни, и профессиональной деятельности³, они позволяют повысить эффективность творческой работы, взяв на себя написание больших объемов текста⁴ и предоставив человеку решать главную задачу – придумать идею и раскрыть ее сущность и перспективы; педагогам же следует переориентироваться на разработку обучающих программ, учитывающих технологические достижения в деле подбора, анализа и передачи информации, и на индивидуальные творческие задания, которые пока не способна одолеть нейросеть⁵. При этом один из преподавателей поделился результатом своего эксперимента, подтвердившего, что она нейросеть, вместо ожидаемого вразумительного текста, вполне способна подготовить совершенно бессмысленный – например, о 10 причинах, почему огурцы вызывают бессонницу... [1]. Не исключено, что не слишком интеллектуально подготовленный студент может принять подобные ненаучные фантазии «за чистую монету», а не слишком внимательный преподаватель – означенную бессмыслицу пропустить...

В действительности, данный казус актуализирует далеко не только проблемы, обусловленные возможностями современных информационных технологий при подготовке творческих студенческих работ (от рефератов, курсовых проектов до выпускного квалификационного труда), а также иного аттестационного контроля знаний (тестирования, письменного экзамена, выполнения вариативных заданий на практических занятиях и т. п.). Так, буквально недавно вузы вышли из тотального дистанционного режима обучения. С одной стороны, пребывание в нем способствовало обнаружению далеко не полной готовности к такому форс-мажорному образовательному бытию (в том числе многих преподавателей, особенно «серебряного возраста», составляющих нередко элиту вуза) [2]), с другой – подтвердило опасность его «обожествления»⁶: совершенно очевидно, что непосредственный контакт с преподавателем (хорошим преподавателем), без посредничества экрана ПК, незаменим;

³ Вплоть до нотариальной, прокурорской и судебной.

⁴ В гуманитарных науках подобное, как правило, неприемлемо, ибо «сопровождающие» тексты в большинстве своем неразрывно связаны с ключевыми идеями, «обволакивают» их аргументацией, примерами, «заходами» в смежные информационные пространства.

⁵ Следует заметить, что многие преподаватели так и поступают, причем первичным мотивом для подготовки таких заданий является необходимость противодействия списыванию и «телепортации», а также «зазубриванию» и «начетничеству».

⁶ При этом не секрет, что дистанционное обучение неизбежно использовалось и ранее – прежде всего в рамках заочной формы обучения (называемой еще с советских времен «заушной»), неспособной по своей сущности обеспечить качественное образование, а только лишь «образованщину».

и совершенно очевидно, что инструментальные возможности студентов различны, а Интернет не везде приемлемого качества, если вообще доступен (в период дистанционного режима активно обсуждались случаи коммуникации студента, в рамках «посещения» учебных занятий, на деревьях, в автомобилях ... – для улучшения связи; и т. п.). При этом даже сами студенты далеко не единодушно положительно оценивали ситуацию (хотя, казалось бы, лежи на диване, пей кофе, периодически отключайся от информационного потока...). Так, при анкетировании через «электронный университет» студентов-психологов один из преподавателей получил следующие результаты: 52 % респондентов отметили большой объем заданий (в сравнении с классической формой обучения), 30 % – недостаток непосредственного общения с преподавателем и сокурсниками при обсуждении вопросов занятия, 28 % – значительную нагрузку на органы зрения, 28 % – трудности самоорганизации участия в учебном процессе (включая контексты внимания, подготовки к семинару или практикуму, самоконтроля); относительно посещаемости были зафиксированы пояснения о более удобном тайминге и возможности подключаться к работе с одновременным занятием другими делами [3]; эти данные, в принципе, подтверждены и другими исследователями [4–5]. По итогам дискуссии «пандемического» периода вывод оказался вполне предсказуем: и дистанционные технологии, и «оцифровка» практикумов и других образовательных форм и способов – допустимый (иной раз – и желательный), но все же факультативный, вспомогательный обучающий режим, не могущий (и не долженствующий) подменить классику образования.

Что касается особенностей правового регулирования процесса подготовки выпускной квалификационной работы, то, по смыслу и букве нормативно-правового акта о государственной итоговой аттестации⁷, кафедра на основании заключения научного руководителя (и даже экспертного коллегиального) не вправе, как было ранее, принимать решение о недопуске работы к защите в государственной экзаменационной комиссии, то есть в рамках целеполагания о защите прав студента, в том числе от злоупотреблений преподавателя; в комиссию теперь можно представлять, по остроумному выражению, бытующему в вузах, даже «телефонный справочник»: заведующий кафедрой лишь фиксирует своей подписью факт сдачи ВКР на кафедру (при этом нередко за два-три дня или вовсе накануне защиты)⁸. То же самое относится и к плагиату, и к соавторству цифрового «интеллекта».

⁷ Приказ Минобрнауки от 29 июня 2015 г. № 636 «Об утверждении порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Эта вопиющая недисциплинированность студента приводит к тому, что его научный руководитель ставится как бы в положение «подшантажируемого», так как вынужден

Таким образом, студент вместо разумного права на жалобу получает право на вседозволенность – и содержательную, и дисциплинарную. Если дополнить эту общую возможность специальной возможностью использования для изготовления текста с помощью нейросети, то демонстрируемая «картина маслом» будет соответствовать стилю «образовательный хичкок». Конечно, ГЭК ориентируется не только на текст работы и на отзывы на нее, но и на содержание процесса защиты, однако в голову студента-«попугая» можно вложить и содержание доклада, а, посредством теле-связи – ответы на вопросы членов комиссии⁹ (и, по крайней мере, оценка «удовлетворительно» будет почти гарантирована, хотя все же и не «телефонному справочнику»). Следует также заметить, что далеко не во всех вузах учебным планом предусмотрена выпускная квалификационная работа. Это неприемлемо, особенно по гуманитарным специальностям, так как тем самым не проверяется компетенция выпускника в сфере исследовательской (в самом широком смысле, включая сугубо прикладной) деятельности. «Либерализм» в его худшем прочтении – в действии.

В стратегическом же плане необходимо констатировать и сомнительность эффективности единого государственного экзамена, причувившего преподавателей делать ставку на «натаскивание» учеников для необходимого результата, родителей – оплачивать труд репетиторов, не ставя иной раз перед собой задачу добротного образования своего ребенка, а самих учеников – ограничиваться достаточным минимумом знаний для достижения прикладной цели поступления в вуз или иное учебное заведение¹⁰ (с использованием, кстати, «выжимок» из классических текстов вместо прямого включения «мозгов и эмоций» при чтении самой книги). В этом же проблемном перечне – и неудачный эксперимент с так называемым двухуровневым образованием¹¹ (к счастью ряда категорий вузов, в срочном порядке вычитывать текст работы и писать на нее отзыв. А для ВКР магистра еще необходима и рецензия...

⁹ Это блестяще проиллюстрировал нам режиссер Л. И. Гайдай в фильме «Операция Ы...».

¹⁰ Одним из ключевых аргументов сохранения этой системы является предоставляемая ею возможность поступления в «престижные вузы» школьников из провинции. Однако посмеем предположить две вещи: во-первых, талантливый ребенок имеет шансы сдать вступительный экзамен в вуз вполне конкурентно, во-вторых, «провинциалы» точно так же, как и «столичные дети», готовятся к ЕГЭ с репетиторами (без их помощи шансы резко уменьшаются). Кроме того, защитниками данного экзамена высказывается опасение возврата к злоупотреблениям в вузах при организации вступительных испытаний. Заметим: а злоупотребления при организации ЕГЭ исключены?... Словом, тема требует, по меньшей мере, продолжения дискуссии.

¹¹ Вспыхнувшая было дискуссия о возвращении к специалитету как-то затихла... В то же время усиливающаяся тенденция на дополнительное включение в образовательные программы бакалавриата обязательных дисциплин общегуманитарного типа (истории России, российской государственности и др.), а также основ военной подготовки, будучи, по высокому смыслу, актом необходимым, ведет, однако, к уменьшению объема профессиональных дисциплин, часть из которых и до «усекновения» испытывала «голод» в часах на ау-

не распространенный на некоторые специальности). Все в совокупности не только затрудняет обеспечение права на образование, но и реальные смыслы обязанностей студентов (обучающихся) в данной сфере.

Изложенное выводит нас и на другие проблемы и смыслы. Среди них – проблема усеченного, полуразрушенного состояния конструкции обязанности детей (и «постдетей», каковыми, по общему правилу, являются студенты вуза или колледжа). С одной стороны, нормы ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 43)¹² безусловным образом предусматривают, что обучающиеся всех возрастных групп (категорий-этапов образовательного процесса) обязаны выполнять учебный план, соблюдать правила распорядка, уважать однокашников (однокурсников), преподавателей, сотрудников образовательного учреждения, после окончания младших классов школьники (а в вузе – студенты) могут подвергнуться за неисполнение перечисленных обязанностей дисциплинарной ответственности. Однако, во-первых, практика привлечения к такой ответственности неустойчива и размыта. Во-вторых, что существенно важнее, обучающиеся (в нашем случае студенты-«постдети») в пространстве семьи к должностованию не подготовлены не только по факту, но и в соответствии с семейным законодательством, что создает предпосылки к перекосу в правовом статусе студента в пользу его прав, а еще явственнее – к реальному восприятию образовательного мира через возможности, не усиленные должностованием.

В доктрине в течение длительного времени это объяснялось недееспособностью детей и декларативностью проектной конструкции их обязанности уважать родителей и посильно участвовать в делах семьи. Между тем и в сфере образования проблема дееспособности высвечивает аналогичным образом, но, несмотря на это, как мы только что отметили, дети либо подлежат дисциплинарной ответственности, либо минуют ее в связи с принадлежностью к категории учащихся младших классов (не говоря о дошкольниках), что разумно. В последнем случае обязанность выглядит вполне декларативной, но это не смущает законодателя. Значит, с юридической точки зрения дети, будучи субъектами образовательных правоотношений, дееспособны, пусть и содержание этой способности дифференцировано, а их обязанности то декларативны, то не декларативны. С одной стороны, они обязаны уважать других участников образовательного процесса. С другой стороны, эти же дети, будучи субъектами семейных правоотношений, как бы недееспособны и не могут нести на своем столь юридически неопределенном «челе» никаких обязанностей... И не обязаны уважать ни родителей, ни других «актеров» семей-диторные и индивидуальные занятия. Специалитет позволил бы системнее решить данную проблему.

¹² ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7598.

ного права. При этом без явного обозначения возраста (то есть и на уровне дошкольном, и чуть старше) дети вправе высказывать свое мнение по семейно-правовым вопросам (а взрослые это мнение учитывать, пусть и не в императивном режиме), по достижении же возраста 10 лет (примерно соответствующего категории учеников постмладших классов) у них испрашивается обязательное согласие на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 Семейного кодекса РФ – далее СК РФ¹³). Видимо, дети участвуют в означенных мероприятиях в бессознательном состоянии и, только приходя в школу, включают интеллект и способность отвечать за свои поступки... Если же аргументы о недееспособности спроецировать на несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, то психологической и юридической парадоксальности значительно прибавится, ибо они не только вправе самостоятельно защищать свои интересы в суде (ст. 56 СК РФ), но и обладают родительским статусом относительно своих детей, рожденных вне брака (ст. 62 СК РФ), а также – при наличии регионального закона о снижении брачного возраста ниже федерального предела – вступать в брак (ст. 13 СК РФ)¹⁴ [6]. Однако законодатель ни словом не молвит о наличии у них обязанностей... (Каков оригинал!)

Можно, конечно, сформулировать два возражения. Первое: обязанности детей в сфере образования вполне конкретны, а в сфере семьи – абстрактны, их содержание трудноуловимо. Второе: образовательные санкции также конкретны (замечание, выговор, исключение из школы и т. п.), хотя и распространяются не на всех несовершеннолетних. Однако, например, до возраста 15 лет от вполне конкретных укола, таблетки даже хирургической операции дети отказаться не могут – они вполне конкретно обязаны подчиниться совместному решению медиков и родителей (согласие ребенка требуется с 15 лет – ст. 20 И 54 ФЗ «Об основах охраны граждан в Российской Федерации»¹⁵), то есть качество конкретности работает как в одну, так и в другую сторону. Следует также заметить, что доктрина и законодательство в целом крайне противоречивы в вопросе об обязанностях несовершеннолетних: в конституционно-правовом контексте они обладают целым рядом прав и свобод как российские граждане, в трудовом могут быть субъектами трудового договора (сеем надеяться, что в нем предусмотрены не только права), в пространстве уголовного права за ряд преступлений ответственность наступает с 14 лет (а в доктрине обсуждается и более ранний возраст) – при этом очевидно, что речь идет отнюдь не о праве на уголовное преследование, а об обязанности ему под-

¹³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32.

¹⁵ ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.(все так?)

вергнуться... И т. д. В цифровой сфере (пусть и с явным опозданием) установлены ограничения в праве детей на информацию и они обязаны следовать им, под родительским контролем [7]. Что касается декларативности призывов к долженствованию, то они присутствуют в законодательстве, в том числе семейном (например, законодатель считает необходимым заявить о построении семейных правоотношений на основе взаимоуважения и поддержки или ожидать от родителей духовного и нравственного воспитания детей – ст. 1, 31, 63 СК РФ). Нормы-декларации играют свою особенную, общерегулятивную роль в процессе воздействия на сознание личности, проецируя в меру сил ее желаемое обществу поведение.

Наконец, наиважнейший аргумент: в рамках тенденции на сохранение и развитие традиционных семейных ценностей и в соответствии с конституционной поправкой ч. 4 ст. 67¹ родители обязаны воспитывать детей в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Ожидают ли российское общество и государство в качестве ответа детей запуск исключительно конструкции права (хочу уважаю – хочу не уважаю) [8–9]? Вряд ли. Кстати, целый ряд зарубежных законодателей, несмотря на квалификацию семейного права в качестве подотрасли классической цивилистики, весьма давно (еще до своих экзотических решений о браке, семье и родительстве) предусмотрели в семейном законе (или гражданском законодательстве) обязанности детей уважать родителей, бабушку и дедушку, подчиняться их правомерному воспитательному воздействию, помогать в делах семьи [10]. В последнее время общественная дискуссия о явной доминанте прав детей над их обязанностями и неблагоприятными последствиями такой доминанты начала приобретать необходимую энергетическую. Надеемся, что она не «утечет в пески либералисимуса»¹⁶.

Возможен также вопрос, производный от заявленной нами в статье темы: насколько обоснованно присутствие в данном тексте дискурса о семейно-правовых обязанностях детей? Очевидно, что ответ находится на поверхности информационного поля: отсутствие в семейно-правовом статусе детей элементов долженствования оказывает дурную службу как для них (в том числе в качестве субъектов образовательных правоотношений, в которых, как и в семейных, воспитание также является значимым компонентом содержания), так и для их родителей (или других законных воспитателей). Когда же наши «постдети» поступают в вуз, несформированность обязующей части их самосознания (в том числе и правосознания) проецирует разнообразные трудности образовательного жанра в образе недобросовестного отношения к своим обязанностям,

¹⁶ Ситдикова Л. Б., Шиловская А. Л. К вопросу об обязанностях несовершеннолетних. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/74354-voprosu-obyazannostyakhnesovershennoletnikh?ysclid=lb69eah0xn371323621> (дата обращения: 11 февраля 2023 г.).

При этом мы отнюдь не возлагаем исключительных надежд на скорый и добрый результат внедрения конструкции детской обязанности. Но, как известно, «капля камень точит...»

включая классические вариации в виде тотального пропуска занятий и вариации «постмодерна» – в виде склонности к плагиату, покупке текстов учебных заданий в Интернете, злоупотребления цифровыми технологиями. В итоге получаем не констатации «знание – сила» или «учиться, учиться и учиться, как завещал...», а наглое, циничное отношение к образованию, а с ним – и к окружающему миру с его традициями, ценностями и перспективой¹⁷.

Между тем юридическая профессия требует формирования особых навыков¹⁸, обусловленных ее функционалом, дифференциацией (от юридического консультирования до правозащитной, прокурорской, судебной специализации, которые при этом в течение одной профессиональной жизни могут друг друга замещать), объектом приложения интеллектуальной энергетике, ориентацией на социальное служение. Среди означенных особенностей – и способность найти и правильно «прочитать» норму права, и повышенная текстовая и речевая ответственность (формальная «сухость» юридического языка неизбежно сочетается с индивидуальным стилем письменного, а особенно устного изложения правовой позиции¹⁹), и умение слушать собеседника, в том числе оппонента, и развитое чувство справедливости при принятии решений [12], допускающих правоприменительное усмотрение... Нетрудно заметить, что данный набор ожиданий предполагает обязанность вуза обеспечить будущему юристу фундаментальное образование²⁰ в области не только юриспруденции, но и этики, логики, психологии, филологии и др., а обязанность студента – реализовать соответствующие возможности, то есть в первую очередь освоить ключевой понятийный аппарат права (понятие о правовой норме, системе права и законодательства, правоотношении, принципах, юридических фактах, правосубъектности, механизме правового регулирования, юридических технике и технологиях, формах правоприменения и т. д.),

¹⁷ Конечно, мы не имеем в виду весь «страт постдетей» – среди них немало пассионарных личностей. Задача – в увеличении их числа и уменьшении зла.

¹⁸ азуется, это характерно и для других профессий, но они, соответственно, требуют и иного набора навыков и компетенций. Кроме того, мы оцениваем сложившуюся ситуацию именно из образовательного пространства по юриспруденции.

¹⁹ В этом смысле представляют явственный интерес тексты особых мнений судей Конституционного Суда РФ, хотя в настоящее время они и доступны только по состоянию на 2020 год. В большинстве из них весьма тонко сочетаются понимание содержания правовой нормы, ее внешне скрытые смыслы и социальное предназначение. [11]

²⁰ Не «ремесленного» типа, ибо именно сформированное юридическое мышление позволяет ориентироваться в постоянно меняющемся массиве законодательства, административной и судебной практики, хотя первичные навыки прикладного характера также необходимы [13]. При этом последнее предполагает и организацию возможности «потрогать профессию своими руками», выходить на «поле профессии» в самостоятельной «игре», хотя и под надлежащим контролем [14, с. 18.] как в рамках производственной практики, так и юридической клиники. Подробнее см. статьи Ильина А. В., Белова С. А. и др. в журнале «Закон» (№ 1 за 2023 год).

а также принять для себя к исполнению требования профессиональной этики²¹. Перечисленные качества и характеристики, при доминировании со стороны некоторых управленцев и преподавателей «ремесленного» подхода к обучению, а со стороны студента – «цифрового осмысления» юридического и смежного с ним миров, при отсутствии осознанного должностования, не привитого ни в семье, ни в вузе, не могут быть достигнуты. Уверенное же предположение (и даже в чем-то агрессивное) одного известного банкира об отмирании юридической специальности явно ориентировано только на подготовку формально-юридических документов (типовых положений, договоров и т. п.) и именно на «ремесленное» образование, хотя, возможно, ему и кажется, что его прогноз имеет более широкий охват...²² Такой подход не обеспечивает перспективы и выполнения экзистенциальных задач как образования, так и последующей практической деятельности в сфере юриспруденции.

Перерезать беспроводные провода Интернета невозможно... Роман «Что делать?» также давно уже не в силах ответить на изменяющиеся в своем содержании вопросы. Однако вполне возможны творческий подход к содержанию обучения и преподаванию, в том числе с вектором не только на обеспечение университетских свобод обеих ключевых сторон образовательных правоотношений, но и университетских обязательств. Значит, работаем, коллеги. Может быть, нам и обрящется по трудам нашим.

Ссылки

1. Агранович Мария. Затянуло в нейросеть // Российская газета. 2023. 7 февр., № 26 (8971). С. 10.
2. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 99–109. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109
3. Конева Е. В., Тарусина Н. Н. Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью (уроки пандемии) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 4. С. 634–641. DOI: 10.18255/1996-5648-2022-4-634-641

²¹ Как отмечается в доктрине, усвоить хотя бы «100 понятий, 100 ответов на принципиальные вопросы»... [13, с. 10]; не заниматься «начетничеством», а освоить логику правового регулирования [15, с. 25]. При этом справедливо подчеркивается, что избыточное присутствие в программе бакалавриата курсов по выбору не относится к положительным характеристикам обучения: студент еще не готов адекватно оценить предлагаемый выбор, «высшая школа – не клуб по интересам», а сама программа и так, как мы уже отметили, урезана [13].

²² Например, даже в тех случаях, когда, казалось бы, можно роботизировать выполнение задачи, результат далеко не удовлетворяет граждан – клиентов банка (допустим, при получении первичной информации), особенно граждан «серебряного» возраста или с нестандартными способностями...

4. Казакова Л. П., Кошель В. А. Психологические аспекты переживания студентов в учебной деятельности в период экстренного дистанционного обучения // Человеческий капитал. 2022. Т. 1, № 5. С. 215–229.
5. Гордеева И. В. Дистанционный образовательный процесс в университете: преимущества, проблемы и мнения студентов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 1. С. 61–64.
6. Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 10. С. 17–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032
7. Тарусина Н. Н., Симонова С. В. Право ребенка на информацию: ограничения и обеспечение безопасности // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: сб. докл. IX Моск. юрид. форума: в 4 ч. М., 2022. С. 38–42.
8. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052
9. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 2. С. 220–231. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-2-220-231
10. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.
11. Тарусина Н. Н. Конституционное правосудие: о некоторых поправках в законодательство // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 64–75. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-1-64-75
12. Комиссарова Е. Г., Мартъянова Е. Ю., Шершень Т. В. Качество образовательного юридического знания в его академическом видении (по следам методического семинара) // Пермский юридический альманах. 2022. № 5. С. 9–22.
13. Шварц М. З. Высшая школа – это не клуб по интересам // Закон. 2023. № 1. С. 8–14.
14. Ильин А. В. Цель высшего юридического образования // Закон. 2023. № 1. С. 15–22.
15. Белов С. А. Должно ли юридическое образование быть только юридическим? // Закон. 2023. № 1. С. 23–30.